

Цзянь Цзиньчжао вспомнил свои размышления в машине и не спешил уйти: «Тогда давай поговорим немного?»

Ю Янь сказал: «Хорошо». Он взял на себя инициативу сделать несколько шагов назад и опереться на кровать. Он похлопал по краю и сказал: «Учитель Цзянь, присядете здесь?»

"..."

Цзянь Цзиньчжао не волновало состояние парня, как «пациента», поэтому он подошел ближе и сел: «Что с тобой произошло сегодня? Я видел сценарий. Конечно, трудно играть с Учителем Шенем, но ты должен был справиться. Откуда такие грубые ошибки.»

Хотя он спрашивал о ситуации на съемочной площадке, его тон был скорее обеспокоенным, чем ответственным.

Ю Янь сделал два глотка из стакана с лекарством от простуды и сказал: «Разве ты не знаешь? У меня болела голова».

Цзянь Цзиньчжао сел боком и уставился на него: «И это все?»

Столкнувшись с вопросительным взглядом мужчины, Ю Янь замялся: «Да».

Цзянь Цзиньчжао заметил его явно виноватый ответ, и в его глазах мелькнула тонкая улыбка: «Ю Янь, скажи честно, ты боишься темноты? Или ты боишься грома?»

Ю Янь на мгновение растерялся, а затем яростно возразил: «Ничего подобного, как я могу такого бояться?»

Цзянь Цзиньчжао укрепил свою догадку и решил заставить его признаться: «Правда? Я не люблю, когда мне лгут».

"..."

Сдержанная сила этих слов подействовала на парня больше, чем что-либо еще.

Выражение лица Ю Яня изменилось. Он некоторое время тер кончиками пальцев дно стакана, прежде чем неловко признался: «Да, я был напуган, но совсем немного, правда!»

Цзянь Цзиньчжао засмеялся, но не беспокоил вопрос, «немного ли он напуган» или «сильно напуган». «Почему ты не предупредил съемочную группу заранее, если у тебя такие психологические проблемы?»

Хотя, когда за окном настоящая гроза, это может избавить от хлопот с постановкой сцены, если у актеров есть проблемы изменить, обстановку можно создать искусственно. Съемочная группа могла бы устроить «молнии», а «гром» добавили бы позже во время дубляжа.

Что касается боязни темноты, то ее можно было бы решить, изменив режим съемки.

«А, что, если надо мной будут смеяться?» Ю Янь вздохнул и залпом выпил теплое лекарство от простуды.

«Более того, это нехорошо, если бы я один стал менять давно принятый план съемок. Я не хочу, чтобы другие говорили, что я использую авторитет Тени Кита, чтобы выделиться».

Это происходило не в первый раз. Он думал, что сможет справиться с этой незначительной проблемой, но не ожидал, что его состояние настолько ухудшится.

Ю Янь поставил стакан после того, как выпил лекарство, обратно на прикроватный столик, и извинился от всего сердца: «Это моя вина, что я задержал время съемок всей команды».

Цзянь Цзиньчжао был тронут: «Хорошо, нет необходимости постоянно извиняться за то, что произошло. Ни у кого не может быть гладкого плавания во время съемок».

Он посмотрел на свой телефон и сказал: «Уже довольно поздно. Если ты чувствуешь себя нехорошо, ложись спать пораньше. Я...»

Прежде чем он успел сказать, что собирается уйти, Ю Янь внезапно принял меры и потянул Цзянь Цзиньчжао прямо на кровать.

«Учитель Цзянь, подожди!»

"..."

Цзянь Цзиньчжао в изумлении посмотрел на человека, который прижал его к кровати: «Ю Янь, что ты делаешь? Вставай!»

Ю Янь вздохнул, но не отпустил его, на его лице отразился намек на грусть: «Мне действительно сегодня вечером очень плохо, ты можешь остаться со мной еще немного?»

"..."

Попытки вырваться Цзянь Цзиньчжао приостановились.

Ю Янь потерял свою обычную сдержанность и придвинулся ближе к его шее: «Учитель Цзянь, ты знаешь, почему я этого боюсь?»

«Тебе, очевидно, чуть больше двадцати, но твоя смелость в этом вопросе хуже, чем у ребенка».

Ю Янь вздрогнул.

Цзянь Цзиньчжао почувствовал его плохое настроение и потерял все мысли о борьбе. Он наклонил голову, пытаясь избежать теплого дыхания Ю Яня.

Ю Янь изменил позу и лег на бок рядом с Цзянь Цзиньчжао: «Знаешь, я с детства воспитывался в доме тети».

Цзянь Цзиньчжао вспомнил, когда он в последний раз пил в отеле, Ю Янь немного рассказал о своем жизненном опыте.

Его родители заботились только о создании ребенка, но не о его воспитании, поэтому он рос отдельно от них.

«Сколько себя помню, у меня нет особых впечатлений с родителями только по именам. Когда мне было шесть лет, тетя, которая заботилась обо мне, сказала мне, что мои родители, которые редко были свободны, захотели отпраздновать мой день рождения вместе со мной.»

«Она отвезла меня в тот совершенно незнакомый дом, велела быть послушным на выходных и ушла».

Это был первый раз на памяти Ю Яня, когда он так близко оказался рядом со своей матерью.

«Она купила мне много игрушек и большой торт, но каждые несколько минут звонила по телефону, но ей не отвечали».

Ю Янь до сих пор помнил, как ее звонки оставались без ответа один за другим, а настроение женщины рядом с ним становилось все хуже и хуже.

Пока не ответили на последний звонок...

«Она начала обвинять собеседника в том, что он лжет, говорила, что ребенок был рожден не ею одной. Почему она должна быть единственной, кому нужно бросать работу и оставаться со мной? Ее время тоже очень дорого и ценно ...»

«...»

Чем больше Цзянь Цзиньчжао слушал, тем больше возмущения он чувствовал.

Очевидно, что это день рождения ребенка, которого следует с нетерпением ждать и о котором нужно заботиться больше всего. А его родители спорили по телефону? Мальчик все слышал и понимал, что его не ценят и не признают.

Жестоко поступать так с ребенком, которому только что исполнилось шесть лет.

Тон Ю Яня был очень спокойным, когда он говорил, как будто он просто рассказывал историю, не имевшую к нему никакого отношения.

«Позже, закончив телефонный разговор во дворе, она поспешно съела вместе со мной кусок праздничного торта и сказала мне...

У нее есть очень важная работа, и ей нужно срочно уйти. Предложила мне вздремнуть дома. Когда я проснусь, «папа» займет ее место, и продолжит праздновать мой День Рождения, вместе со мной. Я должен был вести себя хорошо».

Быть хорошим.

Это был первый раз в жизни Ю Яня, когда это слово вызвало у него отвращение.

Он был слишком маленьким, чтобы сказать «нет», поэтому просто кивнул против своей воли.

Цзянь Цзиньчжао посмотрел на него искоса: «Что дальше? Твой отец пришел?»

В глазах Ю Янь был намек на сарказм: «Он? Лучше бы он умер».

"..."

Цзянь Цзиньчжао понял все из этого ответа, произнесенного с отвращением.

Ю Янь вздохнул и продолжил: «Я не знаю, как долго я спал, но гром среди ночи разбудил меня. В незнакомой комнате была кромешная тьма, и я ничего не мог видеть. Я пытался включить свет, но это не сработало».

Позже он узнал, что из-за сильной грозы возникла проблема с главной электрической цепью поселка.

Ю Янь все еще помнил, что гром становился все громче и громче, он сильно испугался, и у него разболелась голова.

В конце концов, он был всего лишь ребенком, он неизбежно впал в панику, столкнувшись со всем этим.

«Я набрался смелости, чтобы встать с кровати и вышел из комнаты в темноте, но, поскольку я не был знаком с обстановкой дома, я поскользнулся на лестнице и покатился до первого этажа».

Цзянь Цзиньчжао нахмурился еще больше: «Ты сильно упал?»

«Да, я сломал ногу».

Ю Янь попытался усмехнуться, но, в конце концов, он не смог преодолеть многолетнюю ненависть в своем сердце: «Я не мог встать, и даже если я плакал, никто меня не слышал».

В конце ноября он оказался на холодном полу неотапливаемого дома.

«Говорят, детям легко забыть то, что произошло до того, как им исполнилось шесть лет, но я никогда в жизни не забуду тот день». Ю Янь стиснул зубы и сказал: «Чем чаще я это вспоминаю, тем больше их ненавижу!»

С тех пор ему больше никогда не нравились так называемые празднование дня рождения!

Он ненавидел темные замкнутые пространства, ненавидел гром, от которого болели уши, и еще больше ненавидел дерьмовых родителей, которые бросили его одного!

<http://bllate.org/book/13891/1224517>